

Притворяющийся спящим главный герой

— Сердце меча — это мое сердце, а мое сердце — это сердце небес!

Десять крупных иероглифов, каждый штрих — горизонтальный, вертикальный, откидная влево или вправо — дышали необычайной духовной силой.

Вот оно что.

Гу Юй внезапно всё понял.

Эта каменная стела и была той самой золотой точкой на карте системы. А надписи на ней, вероятно, являлись наследием какого-то великого мастера меча, чья мощь сотрясала небеса и землю. В тот момент, когда Шэнь Ецан увидел текст, его сознание оказалось захвачено заключенным в нем Намерением Меча.

С тех пор он простоял здесь неизвестно сколько времени. Только полностью постигнув это Намерение Меча, он мог прийти в себя.

Однако он был лишь на поздней стадии Закладки Основания. Постигание столь совершенного Намерения Меча истощало не только его духовную энергию, но и цзин-ци, и дух. К тому же из-за долгого отсутствия пищи и пополнения сил он был на грани того, чтобы оказаться полностью высушенным надписями на стеле. Именно это и пробудило Гу Радости Соития, дремавшую в его теле.

В конце концов, это был роман в жанре гаремника с сайта Цзянь, а что может лучше сблизить главных героев, чем совместное совершенствование после тяжелого ранения? Поэтому Гу Радости Соития была устроена так, что при обнаружении критического состояния Шэнь Ецана и невозможности восполнить энергию естественным путем, ее материнская особь принуждала носителя дочерней особи поделиться своей энергией.

Как Драгоценный кролик Линлун культивирует ци сокровищ, а Шэнь Ецан — энергию пилюль, так и Гу Радости Соития могла преобразовывать цзин-ци в энергию. Обычно она накапливала цзин-ци раз в месяц, чтобы в случае опасности помочь хозяину. Но если энергии не хватало, наступал черед носителя дочерней особи.

Изначально эта почетная роль должна была достаться одной из героинь, Чжао Сюэцин, но кто же заставил Гу Юя в ту ночь искать приключений на свою голову?

Гу Юй: QAQ.

О, горе мне! Печаль!

Когда он читал этот роман, то считал любовную линию главного героя самым слабым местом, неудивительно, что она отпугивала многих читателей. Теперь же он скрежетал зубами от досады!

Не нужна мне Гу Радости Соития! Не нужен мне гарем!

Пусть Шэнь Ецан просто остается одиноким и прекрасным, разве это не лучше?

Гу Радости Соития отвечала: Нет!

Как бы Гу Юй ни бесился от собственного бессилия, он не мог подавить в себе жгучее желание наброситься на Шэнь Ецана.

Он глубоко вздохнул и, пошатываясь, поднялся на ноги.

Нельзя прерывать Шэнь Ецана, пока он постигает Намерение Меча, иначе он упустит шанс получить наследие. Но заставить его заниматься... подобными вещами... От одной этой мысли Гу Юя охватил жгучий стыд!

Он не может! Он не такой! Он вообще-то мужчина!

Но как еще восполнить энергию Шэнь Ецана?

Пилюли были бы лучшим решением, но проблема в том, что Шэнь Ецан сорвал с него одежду, а где теперь мешочек Цянькунь — неизвестно. Что же касается собственного мешочка Шэнь Ецана, Гу Юй его открыть не мог.

Что делать?

Гу Юй лихорадочно перебирал варианты.

Хм? Постойте.

Обязательно ли для восполнения энергии заниматься именно этим?

Гу Юй покосился на губы Шэнь Ецана.

А поцелуй подойдет?

Гу Юй загорелся этой идеей.

Но перед этим нужно было хотя бы умыть Шэнь Ецана.

Гу Юй стянул с Шэнь Ецана грязные лохмотья, тихонько посмеиваясь про себя.

Теперь они оба были голы как соколы! Впрочем, тело заклинателя на стадии Закладки Основания достаточно крепкое, чтобы не простудиться.

Он прополоскал одежду в озере, набрал в нее воды и стал поливать Шэнь Ецана, пока не смыл все следы птичьего помета, а затем вытер его насухо.

На протяжении всего процесса Шэнь Ецан оставался неподвижен, не отрывая взгляда от каменной стелы.

Гу Юй и не возражал.

— Лучше всего, если он не реагирует! Тогда, что бы ни случилось дальше, Шэнь Ецан ничего не узнает!

Гу Юй тяжело дышал.

Дочерняя особь под воздействием материнской становилась все более беспокойной, и он уже изнывал от жара.

Он приблизился к лицу Шэнь Ецана и заметил, что у того длинные ресницы, глубокие черные зрачки и на редкость правильные, красивые черты лица. Правда, состояние кожи оставляло желать лучшего, а губы потрескались от обезвоживания.

Гу Юй облизнул губы, чувствуя, как слабеют ноги.

Странно, но он находил такого Шэнь Ецана невероятно сексуальным.

Он прижал ладони к плечам Шэнь Ецана и подался вперед, соединяя свои губы с его.

Стоило им коснуться друг друга, как он тут же почувствовал странное притяжение: нечто внутри него начало перетекать в Шэнь Ецана.

Это цзин-ци?

Он понятия не имел, сколько цзин-ци сможет передать, и что будет, если ее не хватит до того, как тот придет в себя.

Опасаясь, что Шэнь Ецан может очнуться в любой момент, Гу Юй не осмеливался закрыть глаза. Поэтому ему приходилось постоянно смотреть на него.

Надо признать, нос у него действительно прямой, а если долго всматриваться, то даже линии на щеках кажутся приятными глазу.

Гу Юй от нечего делать принялся считать ресницы Шэнь Ецана. Жар внутри него, казалось, немного спал, но появилась легкая ментальная усталость, хоть и не слишком заметная.

— Фр-р-р...

Несколько морских птиц пролетели мимо и уселись на голову Шэнь Ецана, с любопытством озираясь по сторонам.

— Ур-р-р...

Живот Гу Юя тут же отозвался громким рычанием.

Как же хочется есть!

Он бы с удовольствием зажарил одну из этих птиц! Но он не умеет готовить! Да и как вообще жарить морских птиц? Кажется, все приправы остались в мешочке Цянькунь Шэнь Ецана? Не заставит же его это есть сырое мясо? Хотя он еще не настолько голоден...

Эх, его жертва поистине огромна! Если главный герой после этого все еще захочет его убить, это будет просто не по-человечески!

Гу Юй предавался сумбурным мыслям.

Постепенно его начала одолевать дремота.

Гу Юй попытался сопротивляться, но в итоге просто привалился к Шэнь Ецану и уснул.

Поверхность его тела начала излучать семицветное сияние, которое постепенно превращалось в чистейшую духовную энергию и через сомкнутые губы перетекало в тело Шэнь Ецана.

Когда сияние поблекло наполовину, на голове Гу Юя внезапно появились два белых, опущенных кроличьих ушка, а спустя некоторое время, когда сияния осталась лишь треть, показался пушистый круглый хвостик.

Радужное свечение постепенно угасло, и надписи на стеле наконец потускнели.

<http://bllate.org/book/19176/1882717>